

УДК 94(470)«1992–1999»:908(Кем.)

**ДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ШАХТЁРСКИХ ПРОТЕСТОВ В КУЗБАССЕ
ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ (1992 – 1999 гг.)***И. С. Соловенко***GOVERNMENT ACTIONS ADDRESSING THE MINERS' PROTESTS IN KUZBASS DURING
THE TRANSITION TO THE MARKET ECONOMY (1992 – 1999)***I. S. Solovenko*

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Кемеровской области, проект № 11-11-42009а/Т.

В статье рассматриваются действия местных, региональных и федеральных органов власти по преодолению шахтёрских протестов в Кузбассе во время перехода к рынку. Показаны общие и специфические подходы к решению проблем горняков.

The article examines the actions of local, state and federal governments addressing the miners' protests in Kuzbass during the transition to the market economy. The general and specific approaches to solving the miners' problems are revealed.

Ключевые слова: переход к рынку, Кузбасс, шахтёры, протесты, власть.

Keywords: transition to the market economy, Kuzbass, miners, protests, authorities.

Переход к рыночным отношениям сопровождался резким ухудшением социально-экономической обстановки и ростом протестного движения по всей стране. В 1990-е, как и в конце 1980-х гг., в центре протестного движения трудящихся были шахтёры. Они использовали разнообразные формы и методы борьбы, являлись инициаторами региональных и всероссийских акций протеста. Между тем в новых рыночных условиях горняки постепенно теряли свой протестный потенциал, в том числе и вследствие действенных мер со стороны местных, региональных и федеральных органов власти. Особенно ярко это проявилось в ведущем угледобывающем регионе страны.

Значимый вклад в преодоление протестного движения внесли местные органы власти шахтёрских городов и посёлков Кузбасса. Фактически все они напрямую зависели от состояния угольной промышленности. Благодаря шахтам и разрезам пополнялся местный бюджет, решались вопросы социально-бытовой сферы населённых пунктов, развивались смежные отрасли экономики и т. д. Немаловажными факторами участия местной власти в решении горняцких вопросов являлись профессиональные, родственные и другие связи. С целью поддержания угольной отрасли местная власть предоставляла шахтам и разрезам отсрочки по уплате налогов, совместно с руководителями угледобывающих предприятий решала вопросы погашения задолженности рабочим, искала инвесторов, вела переговоры с забастовщиками, отчитывалась перед жителями города о выполнении подписанных протоколов, предпринимала дополнительные меры по улучшению собираемости налогов, изыскивала новые способы социальной защиты трудящихся и их семей, сигнализировала о существующих проблемах в региональные и федеральные органы власти и т. д.

Там, где возникали очаги массовых и радикальных форм борьбы, руководство городов и посёлков работало в круглосуточном режиме с одной только

целью – погасить пламя разрастающегося протеста. Представители муниципалитетов регулярно посещали забастовочные штабы, обговаривали с руководителями акций протеста организационные вопросы, искали варианты решения проблем. Большой заслугой местных органов власти являлось то, что во всех шахтёрских городах даже во время массовых и радикальных акций протеста не было заметного роста цен и потребительской паники. В целом, поддерживая требования трудящихся, они искали альтернативные, мирные пути выхода из кризисной ситуации, например, усиливали меры надзора за исполнением трудового законодательства.

Мероприятия исполнительной власти шахтёрских городов, конечно же, способствовали оздоровлению экономической и социальной ситуации, но не могли в корне её изменить. Кризис, в котором оказались угледобывчики, имел системный характер. Его разрешение могло произойти только в результате целенаправленных мер всех уровней власти Российского государства. Исследование показало, что поведение местных органов власти, в первую очередь, зависело от позиции областной администрации.

Политику региональной власти по отношению к акциям протеста шахтёров необходимо разделить на два периода. Первый – с 1992 г. до середины 1997 г., когда губернатором области являлся М. Кислюк. Характерными мерами региональной политики по преодолению протестного движения шахтёров того времени были: во-первых, прямые обращения губернатора к руководителям предприятий с просьбой отказаться от всяких действий, направленных на дестабилизацию обстановки; во-вторых, политический союз между администрацией области и Советом рабочих комитетов Кузбасса, который обещал предотвращать массовые забастовки [1, с. 75]. Провал данной политики стал одной из причин «перевода» М. Кислюка на другую должность. Сам процесс смены власти произошёл накануне всекузбасской акции

протеста, результаты которой могли иметь далеко идущие последствия.

Со второго июля 1997 г., то есть с момента назначения А. Тулеева главой Администрации Кемеровской области, в политике региональной власти по отношению к акциям протеста шахтёров начинается второй период, который продлился до конца рассматриваемого времени. Несмотря на узкую хронологию, данный период был богат на количество принятых новой администрацией мер. Пиковым событием во взаимоотношениях областной власти с протестующими горняками стали «рельсовые войны» мая – июля 1998 г. [1, с. 11]. С того момента возросло количество принятых областным руководством нормативно-правовых актов, которые способствовали быстрому решению проблем работников угледобывающей отрасли. Поэтому второй период следует разделить на два этапа: первый – с июля 1997 г. до мая 1998 г., второй – с мая 1998 г. до конца 1999 г.

В течение первого этапа второго периода деятельность нового главы областной администрации сконцентрировалась на поиске механизма решения проблем угледобывающей отрасли. Главное внимание было уделено таким вопросам, как снижение объёмов бартерного расчёта и уровня железнодорожных тарифов, борьба с экономическими преступлениями и обеспечение занятости населения. А. Тулеев сумел снять социальную напряжённость в Кузбассе, но ненадолго. Ему мало что удалось сделать в первые месяцы своего губернаторства, так как угольная отрасль, в дополнение к имевшимся проблемам, стала первоочередной жертвой мирового финансово-экономического кризиса, который набирал обороты с конца 1997 г. Попытки губернатора Кемеровской области А. Тулеева обратить внимание Президента РФ и Генерального прокурора на ухудшение социально-экономического положения в ведущем угледобывающем регионе страны ни к чему не привели.

Роль нового главы администрации в преодолении протестного движения шахтёров Кузбасса заметно возросла со времени начала всероссийской акции протеста шахтёров России в мае 1998 г. Блокада важнейших железнодорожных путей, в том числе и на территории края, способствовала сближению усилий региональной и федеральной власти в решении неотложных проблем рабочих угольной отрасли. В тот критический для страны момент А. Тулеев проявил решительность, взяв на себя ответственность за разблокирование Транссибирской магистрали. Благодаря введённому им в Кемеровской области чрезвычайно положению предприятия сохранили рабочий ритм, а населённые пункты – общественно-политическую стабильность [3]. Смелые и эффективные действия А. Тулеева были полностью поддержаны Кремлём.

Региональная власть с первых дней «рельсовой войны» была вынуждена действовать энергично, так как массовые и радикальные забастовки резко ухудшали и без того сложную макроэкономическую ситуацию. Выход из кризиса угольной, а также смежных с ней отраслей она видела в новых подходах реализации политики реструктуризации угледобывающей промышленности и диверсификации региональной экономики. Главной задачей руководства Кемеров-

ской области стала борьба с широкомасштабным и непродуманным закрытием «бесперспективных» шахт [11, л. 18]. Однако сначала необходимо было разблокировать железную дорогу. Данная проблема не могла быть решена без использования непопулярных мер, что уже требовало от регионального руководства политической воли.

В условиях затянувшегося «рельсового» противостояния, областная администрация с одной стороны, заняла жёсткую позицию по отношению к тем протестным акциям, которые имели разрушительные для региона последствия, с другой – активизировала меры по борьбе с экономическими преступлениями, а также взяла курс на установление более тесных отношений непосредственно с важными для региона федеральными министерствами. По мере обострения кризиса представители региональной власти всё активнее контролировали ход выполнения социально-экономических обязательств, взятых на себя Правительством РФ; усилили контроль посреднической деятельности в процессе реализации продукции; стали больше уделять внимания развитию предпринимательства и т. д.

В ходе «рельсовых войн» руководству Кемеровской области пришлось взять на себя посредническую функцию в урегулировании конфликта между пикетчиками и Правительством РФ. Совместная деятельность региональной и федеральной власти строилась комплексно и ориентировалась на реализацию антикризисных задач. Первоочередное место среди них занимало выделение дополнительных материально-финансовых средств из государственного бюджета. Важным для края стал подписанный 25 мая 1998 г. вице-премьером О. Сысуевым и губернатором А. Тулеевым совместный документ – «Сводный протокол рассмотрения Правительственной комиссией социально-экономического положения в Кемеровской области и состояния дел в угольной отрасли региона». В содержании документа предусматривалось существенное расширение финансово-экономической самостоятельности, а также дополнительные меры материальной поддержки угольной отрасли и социальной сферы региона со стороны государства.

Отсутствие внятной позиции федерального центра порой подталкивало региональную власть выстраивать более жёсткую позицию в отношении радикальных действий пикетчиков. Руководство региона убеждало шахтёров отказаться от радикального требования – «Президента в отставку!». По мнению руководства области, имелся конституционный способ отставки главы государства, который мог быть использован только Федеральным Собранием России и не являлся компетенцией пикетчиков.

Региональная власть предлагала пикетчикам альтернативные варианты решения проблем, которые в основном сводились к отстаиванию идеи экономической самостоятельности. Для этого А. Тулеев предлагал заключить соглашение о разграничении полномочий между федеральным центром и областью, снизить железнодорожные тарифы, добиться выделения средств на техническое перевооружение ведущих отраслей хозяйства края и т. д. [20]. Руководство области активизировало свои действия и по укреплению

правопорядка, а также устранению возможных вариантов повторения крупномасштабных акций протеста.

Когда продолжение «рельсовой войны» теряло какой-либо политический и экономический смысл, областная администрация открыто и жёстко критиковала руководителей предприятий, чьи трудящиеся стояли на рельсах. Основным аргументом данной критики являлась их неспособность эффективно работать в новых рыночных условиях. Таким образом, в глазах общественности действия пикетчиков выглядели абсурдными.

Важно отметить личный вклад А. Тулеева в решение шахтёрских вопросов, на что обращают внимание многие отечественные и зарубежные эксперты. По мнению немецких исследователей, «Тулеев был первым российским губернатором, который развил и претворил в жизнь всеобъемлющую стратегию развития угольной промышленности своего региона» [2, с. 215].

Всё-таки ключевую роль в преодолении протестного движения шахтёров Кузбасса сыграли действия Президента и Правительства РФ. Разнообразные по своему содержанию и характеру, они выражали общую, неприемлемую для Кремля позицию к акциям протеста угледобытчиков. Федеральной власти пришлось корректировать избранную в 1992 г. стратегию экономического развития государства, идти на политический компромисс с горняками Кузбасса. Комплекс мер включал экономические и политические инструменты противодействия протестному движению.

В начале рыночных преобразований Кремль достаточно сдержанно реагировал на выступления шахтёров, считая их закономерными. В условиях дефицита бюджета государство не могло полностью выполнять свои обязательства перед рабочими. Основная ставка Правительства была сделана на позитивные результаты реструктуризации угледобывающей отрасли, но она явно пробуксовывала. В данной ситуации федеральному центру сложно было конструктивно выстраивать отношения с горняками. Отсутствие в стране механизма разрешения социально-трудовых конфликтов вылилось в принятие запоздалых, хаотичных и непоследовательных мер противодействия росту недовольства угледобытчиков. Как правило, они носили ответный характер и, таким образом, стимулировали новую волну протестов. Только в ходе всероссийских «рельсовых войн» 1998 г., когда вся страна содрогнулась от потенциальной возможности гражданской войны, Кремль стал более внимательно относиться к проблемам горняков. Для решения вопросов развития угольной отрасли активнее привлекались внутренние и внешние ресурсы, повышалась ответственность должностных лиц и т. д.

Политическое противодействие Президента и Правительства РФ протестному движению шахтёров строилось в основном на использовании методов психологического воздействия, подрыве шахтёрской солидарности, переориентации протестной агрессии на других субъектов политической и хозяйственной деятельности, например, региональную власть, директоров угледобывающих предприятий и т. д. Москва щедро раздавала обещания, уговаривала, заигрывала с

рабочими, использовала дружественные отношения с Советом рабочих комитетов Кузбасса и т. д. Конечно, такое «внимание» московского начальства сыграло свою роль в сдерживании протестного движения в крае, но эффект был кратковременным.

В моменты острых противостояний с протестующими шахтёрами руководители правительственных комиссий были вынуждены активнее использовать популистские меры воздействия – обещания и уговоры. Они всегда чувствовали готовность подавляющего большинства горняков отказаться от радикальных лозунгов и действий в обмен на деньги. Особенно это было очевидно во время «рельсовых войн» 1998 г., когда правительственные комиссии не только обещали деньги и разнообразную помощь, но даже были готовы подписывать протоколы, в которых имелось требование отставки Президента РФ [16].

Успешная работа правительственных комиссий во время «рельсовых войн» 1998 г. стала возможной благодаря умелой дипломатии Президента и Правительства России, которые изолировали радикальную политическую оппозицию, а также нашли компромисс с шахтёрскими профсоюзами и забастовочными комитетами. Кремлю удалось убедить Независимый профсоюз горняков России и Росуглепрофсоюз не заключать соглашения с коммунистами по постановке вопросов об изменении государственного строя и национализации угольных предприятий. За это Правительство РФ пообещало, что не будет подвергать участников выступлений репрессиям, отдавать их под суд [15, с. 90 – 91]. Таким образом, федеральная власть сумела переориентировать агрессию шахтёров в нужное ей русло и постепенно погасить конфликт.

Наиболее важные и конструктивные действия Президента и Правительства РФ приходится на кульминацию протестного движения кузбасских шахтёров (1997 – 1998 гг.). В первую очередь, это выразилось в смене руководителя и кадрового состава администрации Кемеровской области. Она произошла накануне всекузбасской стачки, намеченной на 11 июля 1997 г., грозившей перерасти во всероссийскую [13, с. 80 – 81]. Президент России Б. Ельцин был вынужден сменить главу администрации Кемеровской области М. Кислюка на популярного в крае политика – А. Тулеева.

Нейтрализация протестного движения была бы невозможна без реальных дел со стороны Правительства РФ по решению ключевых проблем в экономике и социальной сфере шахтёрских городов. Среди них выделяются следующие: борьба с экономическими преступлениями и недобросовестными посредниками, изменение роли и места государства в отношении угольной и смежных с ней отраслях, широкая приватизация шахт и разрезов, ликвидация «валютного коридора», диверсификация экономики угледобывающих регионов, развитие малого предпринимательства и другие.

Конкретная помощь угледобывающей отрасли Кузбасса со стороны Правительства РФ обозначилась в мае 1998 г., когда доведенные до отчаяния горняки стали перекрывать важные транспортные артерии страны. Материально-финансовая поддержка осуществлялась и в дальнейшем, что позволило оперативно

решить острые проблемы в социально-экономической сфере угольных регионов, оживить деятельность шахт и разрезов.

Увеличение финансирования угольной отрасли не могло в корне решить проблем горняков, Правительству РФ необходимо было выстраивать новую концепцию социально-экономической политики, ориентированную на интересы широких слоев трудящихся. Такая концепция приобрела реальные очертания в мае 1998 г. [18, с. 1] и была связана с изменением роли и места государства в системе хозяйственных отношений. По вполне объективным причинам макроэкономические преобразования в стране ускорились, прежде всего, в угольной и смежных с ней отраслях народного хозяйства.

Правительство РФ стало укреплять свои позиции на угольном рынке. С этой целью оно решило закрепить в федеральной собственности 51 % акций «Угольной компании «Северокузбассуголь»» и «Угольной компании «Киселёвскуголь»» [5]. Главный исполнительный орган страны активизировал свои действия по укреплению конкурентных преимуществ отечественных угледобывающих предприятий на внутреннем и внешнем рынках [7, л. 11]. Повысить рентабельность экспортноориентированных компаний позволила ликвидация «валютного коридора» в августе 1998 г.

Авторитет Правительства РФ возрос при премьер-министре Е. Примакове, который сумел на деле доказать желание улучшить ситуацию в угольной промышленности. По инициативе вице-преьера Ю. Маслюкова был создан регулируемый рынок сбыта угля и организован «Угольный комитет». Таким образом, государство стало внимательнее контролировать ситуацию на отечественном угольном рынке. Вместе с тем, курс на приватизацию шахт и разрезов даже усилился [12, с. 60], что указывает на сохранение в экономической политике исполнительной власти либеральных начал.

С первых дней своей деятельности новое Правительство Е. Примакова занималось решением социальных вопросов горняков. Исполнительная власть страны признала ответственность государства за часть задолженности по зарплате работникам угольной отрасли. Правительство РФ согласилась заключить тарифное соглашение с Независимым профсоюзом горняков России на 1999 – 2000 гг., который в свою очередь принял на себя обязательства (при выполнении положений протокола) воздержаться от проведения массовых акций протеста [14]. Таким образом, шахтёры поверили Е. Примакову, что, несомненно, повлияло на снижение их протестной активности.

Действия Е. Примакова и Ю. Маслюкова единодушно поддержали все руководители шахтёрских регионов. По мнению А. Тулеева, обновлённый состав Правительства РФ оперативно принял очень важное постановление, благодаря которому региональным властям вменялось в обязанность контролировать финансовые потоки угледобывающих предприятий и соблюдение прав трудящихся. Данный документ стал первой фактической победой на пути к возрождению угольной отрасли [17, с. 354]. С того момента в Кузбассе прекратилось закрытие шахт и началось строи-

тельство новых угледобывающих предприятий. Первые за все 1990-е гг. удалось остановить падение объёмов добычи угля, а в дальнейшем иметь их ежегодный рост.

Успехи в развитии угледобывающей промышленности способствовали положительным изменениям в смежных с ней отраслях. Особое внимание со стороны Правительства уделялось производству в Кузбассе горно-шахтного оборудования и угледобывающих комплексов. Данные меры способствовали не только росту промышленного производства и повышению эффективности отечественного машиностроения, но и диверсификации региональной экономики, созданию новых рабочих мест, повышению налогооблагаемой базы, инвестиционной привлекательности реального сектора экономики.

Б. Ельцин был смелым политиком, что всегда признавали даже его оппоненты. В кризисные моменты развития российского государства он не неоднократно показывал свою готовность к использованию силовых методов решения проблем. В течение 1990-х гг. отношение Президента РФ к акциям протеста горняков существенно изменилось: от сочувствия до полного неприятия. Правительство РФ не считало себя виновным за несвоевременную выплату заработной платы рабочим, поэтому уже в конце 1993 г. со стороны федерального центра прозвучала угроза преследования организаторов незаконных забастовок.

Переход рабочих к радикальным методам отстаивания своих прав существенно изменил позицию органов исполнительной власти. Перекрытие Транссибирской магистрали горняками «Судженской» в 1994 г. показало шахтёрам, что они вынуждены противостоять огромной государственной машине. По факту перекрытия магистрали было возбуждено уголовное дело [6, с. 246 – 247]. Вскоре дело было закрыто, но рабочим был дан знак о готовности исполнительной власти к применению жёстких мер. В течение трёх лет шахтёры Кузбасса не использовали «рельсовую войну» как форму протеста.

Осложнение общественно-политической обстановки в 1998 г. в связи с небывалым размахом протестного движения шахтёров поставило Президента РФ в очень сложное положение. Неоспоримым фактом являлись незаконные действия по перекрытию железнодорожных магистралей. Вместе с тем на стороне рабочих было общественное мнение и моральная солидарность большинства трудящихся. Опасаясь ещё более дестабилизировать ситуацию, федеральная власть прибегла к морально-психологическому давлению на них. В мае-июне Кремль чаще применял такие меры воздействия, как угрозы, запугивания, а также создание негативного образа забастовщиков в глазах общественности.

С июля 1998 г., когда среди протестующих горняков обозначился раскол, а их требования и методы борьбы скатились к элементарному «выбиванию денег», федеральные органы власти стали больше использовать против них уголовные преследования, финансовый шантаж и демонстрацию силы. Президент Б. Ельцин по телевидению озвучил устное распоряжение Генеральному прокурору о необходимости

привлечения к уголовной ответственности инициаторов радикальных форм протеста [10, л. 17], началось их массовое преследование, в том числе и в Кузбассе [4, л. 184]. Благодаря широкому общественному резонансу, никого из инициаторов железнодорожных блокад не осудили, но эффект запугивания, бесспорно, имел место. Прекращение в конце 1998 г. уголовного преследования лидеров пикетчиков только укрепило авторитет власти в обществе.

После «рельсовых войн» 1998 г. перед правоохранительными органами была поставлена задача недопущения попыток захвата железнодорожного полотна шахтёрами и другими трудящимися. Руководство силовых структур инициировало специальные учения, в ходе которых отрабатывались необходимые элементы противодействия «рельсовым» захватам [19]. Действия правоохранительных органов охотно демонстрировали на экранах телевизоров, чтобы шахтёры опасались вновь идти на рельсы и там отстаивать свои требования.

Понимая вынужденный характер выхода шахтёров на рельсы, власть, параллельно с давлением на «зачинщиков», стала активнее применять карательные меры по отношению к тем лицам и предприятиям, которые она считала виновными в инициировании железнодорожных блокад. Силовые структуры организовывали масштабные проверки исполнения законодательства в деятельности предприятий угледобывающих регионов. Особое внимание уделялось «вопросам соблюдения законодательства о труде, охране труда, приватизации шахт, валютного законодательства, целевого использования денежных средств, выделенных на оплату труда, реструктуризацию отрасли, ценообразования при продаже угля посредникам, коррупции среди руководителей, исполнения решений судов о выплате зарплаты, возврате долгов» [4, л. 184].

Литература

1. Bergbauproteste im Kuzbass. Das Jahr des Schienenkrieges in Fallstudien Petr Bizyukov / Inna Donova / Konstantin Burnyshev / Olga Vinokurova // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. – Köln, 1999. – № 36.
2. Geschäfte mit der Macht. Edition Temmen / S. Harte, J. Grävingsholt, H. Pleiners [et al.]. – Bremen, 2003. – 383 s.
3. Striking miners force state of emergency in Kemerovo: BBC News Online. – Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/low/europe/97296.stm>
4. Архивный отдел администрации г. Берёзовского Кемеровской области. – Ф. 21. – Оп. 1. – Д. 99.
5. Балиев, А. Как помочь шахтёрам? / А. Балиев // Российская газета. – 1998. – 23 мая.
6. Борисов, В. А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтёрского движения за 1989 – 1999 гг.) / В. А. Борисов. – М.: ИСИТО, 2001. – 416 с.
7. ГАРФ. – Ф. 10104. – Оп. 1. – Д. 3.
8. Гончаров, В. У последней рельсовой черты / В. Гончаров, Д. Иванов, А. Чичкин // Российская газета. – 1998. – 8 августа.
9. Гордон, Л. А. Очерки рабочего движения в постсоциалистической России (субъективные наблюдения, соединённые с попыткой объективного анализа промежуточных результатов исследования) / Л. А. Гордон. – М.: Солидарность, 1993. – 76 с.
10. Государственный архив Кемеровской области. – Ф. 1311. – Оп. 1. – Д. 88.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 10128. – Оп. 1. – Д. 2620.
12. День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов) / Е. Адаев, Л. Берсенева, И. Галкина [и др.]. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2004. – 132 с.
13. Забастовки. Зарубежный и отечественный опыт / под общ. ред. Ю. Н. Миловидова, А. Н. Крестьянинова. – М.: Акад. Труда и социальн. отношений; Междунар. Ин-т экономики и права, 1998. – 208 с.

Многие факты указывают на серьезные достижения силовых структур в борьбе с экономическими преступлениями в 1998 г., что, конечно же, ослабило протестное движение шахтёров Кузбасса. Уже в конце мая в области проводилось следствие по 55 уголовным делам, имеющим отношение к угольной промышленности. В августе 1998 г. по итогам работы комиссии МВД РФ в области были взяты под стражу руководители ряда посреднических компаний и фирм. Благодаря реализации арестованного имущества в счет погашения долгов за отгруженный уголь удалось получить около 30 млн руб. [8, с. 3]. Аресты, в том числе бывших директоров шахт, продолжились и в 1999 г. Данные факты стали достоянием общественности и были ею встречены весьма положительно.

Важнее для рабочих в деятельности силовых структур было не столько привлечение к ответственности конкретных лиц и посреднических фирм, сколько изменение отношения власти к ним. Поэтому правоохранительные органы вели себя не только активно и масштабно, но и открыто. Они доводили до сведения горняцких коллективов итоги работы по проверкам деятельности угольных компаний и шахт, высказывали планы на будущее. Таким образом создавалась прозрачность в отношениях между властью и обществом, что, несомненно, положительно сказывалось на укреплении доверия между ними и выходе из системного кризиса.

Таким образом, действия органов власти по преодолению протестного движения шахтёров были тесно взаимосвязаны и в целом отвечали интересам всех кузбассовцев. Новые, антикризисные подходы в хозяйственной и политической деятельности имели важные последствия для процесса трансформации российского общества, так как позволили смягчить многие социально-экономические противоречия.

14. Ильясова, Г. Профсоюзы шахтеров против забастовки / Г. Ильясова // Заполярье (Воркута). – 1998. – 7 октября.
15. Поцелуев, С. П. Ритуализация конфликта (по материалам «рельсовой войны» 1998 г.) / С. П. Поцелуев // Полис. – 2004. – № 3.
16. Протокол заседания рабочей группы по рассмотрению требований, выдвинутых трудящимися и жителями города Анжеро-Судженска // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.
17. Тулеев, А. Преодоление / А. Г. Тулеев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – 583 с.
18. Указ президента Российской Федерации «О мерах по стабилизации социально-экономической обстановки в угледобывающих регионах» // Пласт (Ростовская область). – 1998. – № 20 (37), май.
19. Учения на железной дороге // Шахтерская правда (Прокопьевск). – 1999. – 18 мая.
20. Худобин, Е. Требуя от Москвы, думать о Кузбассе / Е. Худобин // Кузбасс. – 1998. – 22 мая.

Информация об авторе:

Соловенко Игорь Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления Юргинского технологического института (филиал) Национального исследовательского Томского политехнического университета, 8(38451)64432, igs-71@rambler.ru.

Igor S. Solovenko – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Economics and Automated Control Systems, Yurga Institute of Technology (branch) of National Research Tomsk Polytechnic University.